

БИБЛИОТЕКА

ОГОНЁК

№ 37

1958

ЗУЛЬФИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»
МОСКВА

ЛИРИКА

ЗУЛЬФИЯ

Л И Р И К А

Перевод с узбекского

Издательство «ПРАВДА»
Москва. 1958

ЗУЛЬФИЯ

Зульфия (Зульфия Ибраилова) родилась в Ташкенте в 1915 году в семье кустаря-литейщика.

Стихи начала писать, будучи студенткой Женского педагогического техникума. Первый сборник ее стихов, «Страницы жизни», вышел в 1933 году. В последующие годы изданы книги «Песня девушек», «В дни разлуки», «Верность».

На русском языке выпущен сборник «Доброго утра, люди мира!» («Советский писатель», 1952).

Зульфия — кандидат в члены ЦК КП Узбекистана, ответственный редактор журнала «Женщина Узбекистана».

За последние годы она, как видный общественный деятель республики, побывала в Китае, Индии, Югославии, Цейлоне и Египте. В 1956 году участвовала в конференции писателей стран Азии в Дели.

Зульфия награждена орденами Трудового Красного Знамени, «Знак почета» и медалями.

ЗДЕСЬ РОДИЛАСЬ Я...

Здесь родилась я. Вот он, домик наш,
Супэ¹ под яблонею земляное,
На огороде низенький шалаш,
Куда я в детстве пряталась от зноя.

В садах зеленых — улочек клубок;
Гранат в цвету над пыльною дорогой,
И в свежей сени рощи родничок —
Осколок зеркала луны двурогой.

Заоблачные главы снежных гор,
Весенние, в тюльпанах алых степи
И белых хлопковых полей простор —
Для глаз моих полны великолепия.

Затем, что здесь явилась я на свет,
Навстречу жизни здесь глаза открыла,
И здесь, не зная горя с детских лет,
Свободу я и счастье ощутила;

Затем, что здесь, ключей весны звончей,
Любовь во мне впервые зазвучала,
Что здесь я, в тишине живых ночей,
Весенним водам тайну поверяла.

Когда в садах звенели соловьи
И расцветали пышные сунбули²,
То с ними песни родились мои
И, оперившись, крыльями взмахнули.

И лучшие из песен, спетых мной,
Советской посвятила я Отчизне.

---

¹ Глинобитное возвышение во дворе или в саду.

² Гиацинты.

Ведь счастье живо лишь в стране родной,
А без нее горька улада жизни.

Вот почему мне Родина милей,
Дороже мне, чем свет дневной для глаза.
Любовь к ней говорит в крови моей,
Напевом отзываясь в струнах саза.

Когда ворвался враг в родной предел,
Творя смертоубийственное дело,
За каждый дом, который там горел,
Я жаждою возмездья пламенела.

Я верила, что светлый день придет,
Исчезнут эти тучи с небосвода
И жизнь опять счастливо зацветет
Под солнцем правды, мира и свободы.

С надеждою в грядущее, вперед
Гляжу я зорче молодой орлицы.
И ярко предо мною предстает
В победном торжестве своем столица.

И, верою незыблемой полна
В победу нашу, саз беру я в руки.
Тебе, о мать, тебе, моя страна,
Стихов, из сердца вырвавшихся, звуки!

1942

МАТЬ

На коне черногривом домой возвращается
Председатель колхоза, объехав поля.
В колыбели ребенок, как облачко белое,
Улыбается, пальчиками шевеля.

Вот с коня соскочила. И, полная нежности,
Наклоняется мать, как рассвет над цветком.
Что на свете чудеснее детского лепета
И дыхания, пахнущего молоком!

О, с каким нетерпением ее ожидали здесь,
О, как нежно ребенка она обняла!..

Материнская грудь пахла теплою мятою,
Словно летнее солнце, горячей была.

А когда засыпает ребенок накормленный,
Виновато ему улыбается мать,
И неслышно уходит из маленькой комнаты,
И, как ветер, уносится в поле опять.

В поле ждет ее хлопок, ждут люди любимые,
И вечерние сводки, и столько забот!..
Эта юная женщина с тихой улыбкою
Образцово большое хозяйство ведет.

Вот и ночь. Потемнели просторы зеленые.
О трудом заработанный час тишины!
И хозяйка колхоза сидит, призадумавшись,
На скамье. И в глазах ее звезды видны.

А вокруг нее дышат кусты пышноцветные,
Отражаясь в бегущей по полю воде.
Длится ночь, и клинка рукоятью алмазною
Месяц в каждой блестит поливной борозде.

Каждый куст, каждый слабенький стебель
хлопчатника,
Как детей на груди, согревала она.
И чем больше труда и заботы в них вложено,
Тем счастливей народ, тем прекрасней страна.

Спит ребенок. Спит поле в сиянии месяца
А душе материнской покой не знаком.
Понимает ли мать, что мечты ее, помыслы
Этот мальчик впитает с ее молоком?

Понимает! Поэтому с ласковой гордостью
Смотрит в детские очи, в просторы степей —
Видит этот колхоз повсеместно прославленным,
Видит сына хозяином новых полей.

Пьют прохладную влагу кусты полусонные,
Тихо дышит дитя, улыбаясь во сне...
Над задумчивой матерью звезды кремлевские,
Незакатные звезды горят в вышине.

1950

ЗОЛОТАЯ ОСЕНЬ

Как я люблю тебя, о золотая осень!
Рассветный холодок, росой омытый сад.
Деревья, что глядят в темнеющую просинь,
Их пламенеющий, обветренный наряд.

Как я люблю, когда оранжевого цвета
На землю упадет листвы сплошной ковер
И девочки, набрав огромные букеты,
Глядят на их причудливый узор.

А горы все растут. То хлопковые горы,
Молочно-белые, в серебряной красе.
Пушинка улетит в янтарные просторы,
Повиснет невзначай на девичьей косе.

Как я люблю, когда, все небо заполняя,
Певучие дожди мешают мне читать,
И, словно ртуть, вода блистает ключевая,
И ласточки в гнездо влетают отдыхать.

Нет, не устану я глядеть на золотые,
На красные листы бессолнечной порой,
На черные стволы, округлые, тугие,
С блестящей от дождя намокшеной корой.

Когда же вновь сверкнут лучи за облаками,
Нахлынет синева и радость вместе с ней,
А небо зашумит широкими крылами
Летающих солнцу вслед веселых голубей.

Как дышится легко... Ни зноя, ни пылинки.
На солнце сушит клен шелка одежд своих,
И капли круглые, дрожащие дождейки,
Переливаются на листьях золотых.

Как я люблю свои осенние долины,
Седые вечера и розы поутру,
Деревья, что стоят, как пышные павлины,
Свой разноцветный блеск роняя на ветру!

Последних листьев шум... Небес открытых просинь,
Нечаянный налет холодных ветерков...
Как я люблю тебя, о золотая осень,
Задумчивости дни, мгновения стихов!

1943

ЖЕНЩИНА В ПАРАНДЖЕ

Женщин жизнерадостные лица,
Девушки, идущие гурьбой...
Как же я могла не огорчиться,
В этот полдень встретившись с тобой?

Стая птиц над городом резвилась,
Было много света и тепла
В час, когда, как тень, ты появилась,
По цветущим улицам прошла.

Я спрошу, и ты должна ответить,
Я хочу услышать твой ответ:
Где ты подняла обноски эти,
Берегла зачем их столько лет?

Почему же солнце золотое
Спрятано от взора твоего?
Или же лицо твое такое,
Что стыдишься показать его?

Нет, не хуже, чем у многих женщин,
Лик, что скрыт твоею паранджой,
Может быть, на нем загару меньше,
Но ведь ты сама тому виной.

Ты отгородилась от знакомых,
От весны, от света, от тепла.
То, что все уж бросили давно мы,
Почему с земли ты подняла?

Я прошу тебя остановиться,
Посмотреть внимательней вокруг:
Разве ты не видишь яснолицых
Женщин, девушек — твоих подруг?

Перед ними солнечные дали,
Хорошо идти им по земле,
Петь на молодежном фестивале,
Важные дела решать в Кремле,

Сеять зерна хлопка на равнине,
А потом тот хлопок собирать,

Покорять безводные пустыни,
Силу рек в сиянье превращать.

Посмотри на лица молодые...
Что же ты проходишь? погоди.
Видишь ты, как звезды золотые
Светятся у многих на груди?

Ты ведь тоже можешь стать такою.
Что же ты идешь и смотришь вниз?
Почему меж счастьем и тобою
Этот черный занавес повис?

Сбрось с лица ты мрак многовековый,
На тебе не просто ведь чачван¹,
На тебе минувшего оковы,
Горестного прошлого туман.

Женщина, стой! Я жду ответа.
Подними чачван и погляди.
Видишь, сколько перед нами света?
Видишь, сколько счастья впереди?

1950

МОЕЙ ПОДРУГЕ

Сегодня на рассвете птицы пели,
Благоухали вешние цветы,
И на меня глаза твои смотрели —
Передо мной опять возникла ты.

Заря блеснула на сердечках почек,
Поднявшись над расцветшею землей.
Далекий путь зари из мрака ночи
Мне почему-то путь напомнил твой.

Совсем безлунной и совсем беззвездной
Была та ночь, откуда ты пришла.
В те времена восходило солнце поздно
И не давало света и тепла.

Но солнца свет проник в твою лачугу
Придя из-за далеких гор и рек.

---

¹ Сетка из конских волос, закрывающая лицо.

Тебе сказала Родина, как другу:
«Ты человек — живи, как человек!»

И ты впервые ощутила лето,
Свод неба ощутила голубой,
Глаза твои, отвыкшие от света,
Вдруг увидали мир перед собой.

И это было юности началом,
Началом жизни и путей больших.
В те дни заря впервые засверкала
Румянцем ярким на щеках твоих.

И ты вдохнула ветры полевые,
Ты в мир вошла, прекрасный и большой.
Он тоже увидел тебя впервые
Такой свободной, сильной, молодой.

О женщина, твоя дорога к свету
Была длиннее Млечного Пути.
И много горя на дороге этой
Тебе, мой друг, пришлось перенести.

Твоею красотою торговали,
Тюрьмою были отчие края,
Во мраке старой жизни погибали
Любовь твоя и молодость твоя.

Ты не жила, ты мучилась веками.
Но вот исчезла над тобою мгла,
И сильными, свободными руками
Ты горячо всю землю обняла.

Ты сеешь хлеб. Ты всходишь на высоты.
Ты у станка стоишь в цехах больших
Ты смотришь ввысь, и видишь самолеты,
И в небесах сама ты водишь их.

В науке и труде ты неустанна,
Ты говоришь о жизни, о мирах.
Ты все законы библий и коранов
Наукой жизни обращаешь в прах.

Твоя судьба безбрежна, словно море;
Чисты твои стремленья и дела.

И пусть в пути с тобой встречалось горе —
Пряма твоя дорога и светла.

Война тебя не смяла, не сломила.
Когда она пришла в огне, в дыму,
Ты мужа в путь-дорогу проводила,
«С победою вернись!» — сказав ему.

Пусть волосы твои украсил иней
Немного раньше срока. Ничего!
Ты молода, и в сердце не остынет
Огонь большого чувства твоего.

Я вижу, как полями и садами,
Где зацветают вишни и хурма,
Идешь ты, озаренная лучами,
Идешь ты, излучая свет сама.

И этот свет, как свет звезды далекой,
Летит за рубежи соседних стран,
И угнетенной женщине Востока
Он светит, проникая под чачван.

И свет доходит к ней сквозь мрак проклятый,
Неся частицу твоего тепла.
И ждет она его, как ты когда-то
Во мраке ночи этот свет ждала.

1949

СОЛОВЕЙ

Плеск воды, блеск звезды, трепетанье ветвей,
Влажных роз молодое цветенье...
И поет соловей, друг цветов соловей,
Прославляя весны вдохновенье.
Над цветами уснувшими в лунную даль
Соловьиная льется газаль¹.

Ты постой, соловей. Ты не пой, соловей,
Дай, свой голос попробую я...
Может быть, этой песне весенней моей
Улыбнутся сердечно друзья.

---

¹ Короткое стихотворение.

Я спою про счастливую долю мою,
Про любимую землю спою.

Ведь недаром шутливо друзья соловьем
Называют счастливца-поэта.
Может, это и так, коль поем мы вдвоем,
Коль поем с соловьем до рассвета.
И струится в цветущую ясную даль
Соловьиная наша газаль.

1949

ОДИН ДЕНЬ В ПОЛЕ

Ранняя осень пахнула дыханьем тревоги,
Листья хлопчатника съежились, словно от боли,
Туча приблизилась, пыль поднялась на дороге...
В поле, друзья!
Дорогие товарищи, в поле!

Сборщики хлопка, хоть солнце еще за горами,
Двинулись в поле в холодной, предутренней рани.
Поле зелеными, влажными плещет волнами,
Стан полевой — словно парус в зеленом тумане.

Хлопок, уже не вмещааясь в коробочек гнезда,
Белым своим рукавом машет нам издалёка.
В поле, друзья!
Собирайте пушистые звезды,
Белые звезды бесценного нашего хлопка!..

Вон Турсунуй, председатель, стоит у навеса,
Вон Мухаббат фартук свой волокном наполняет.
Дни на учете, минута — и та полновесна.
Каждая сборщица это сейчас понимает.

В хлопке созревшем — ее годовая работа,
Тайные думы, надежды ее и отрада,
Звон кетменя, и жемчужины летнего пота,
И всенародная радость высокой награды.

Вырастить хлопок она обещала весной,
Клятва стране повседневно ее окрыляла.
Надо воды — и сама становилась волною,
Надо тепла — и сама, словно солнце, пылала.

Хлопку она отдала свое сердце. На осень
Свадьбу она отложила. И так же — подруги.
Чем холоднее небес запоздавая просинь,
Тем горячее работают быстрые руки.

Золотом белым, мелькающим перед глазами,
Хлопком рассыпано в поле обильное счастье!
День упусти — и, быть может, дождями, снегами
Хлопок погубит осеннее злое ненастье.

Нет, не дадим и пушинки одной непогоде
И паутинки одной не оставим на поле!
Слава упорству, живущему в нашем народе,
Слава труду вдохновенному, творческой воле!..

Вон Махриба и Зухра, осторожно ступая,
Хлопок несут, словно роз белоснежных корзины,
Хлопок к хирману несут. И заря золотая
Им освещает тропу средь зеленой равнины.

1948

В СОСНОВОМ ЛЕСУ

Тучи растаяли на небосклоне,
Тихо, светло, и дождя больше нет.
К солнцу протянуты сосен ладони,
В каплях — зеленый изменчивый свет.

Только что вымытый, полный сиянья,
Лес окружает меня красотой.
Хвои намокшей впиваю дыханье,
Тихо шагаю тропинкой лесной.

Из красноватого камня ступени
На гору с берега речки ведут.
Хрупкие, бледные, жители тени,
Здесь боязливо фиалки цветут.

Что мне дорога! Ступени оставив,
Я пробираюсь средь мшистых корней,
Лезу, цепляясь за камни, за травы
И за пушистые полы ветвей.

Сосны все чаще, а небо все ближе,
И, окунувшись в небес бирюзу,

Издали речку певучую слышу,
Бархатный шелест долины внизу.

Тихо под ветром качаются сосны.
О, этот моря соснового шум,
Травы пахучие, светлые росы,
Крылья орлиные трепетных дум!

Нет, не напрасно искали поэта
Песен истоки в Кавказских горах.
Утро!

Зеленой росинкою света
Ты и в моих засверкало стихах.

1947

ЧАСТИЦА СОЛНЦА

Настала на собрание та минута,
Когда чачван с себя сняла она,
И бросила, и засияла, будто
От туч освобожденная луна.

Она, согретая душевным словом,
Пошла домой по улице, туда,
Где все каким-то незнакомым, новым
И сказочным казалось ей тогда.

Она навек запомнит скрип калитки,
И злую тень отцовского лица,
И брошенный хурджин¹ — ее пожитки, —
И вместе с ним проклятие отца.

Но все же не свалил ее ударом
Ни крик отца, ни материнский стон.
Огонь великой истины недаром
В девичьем сердце был уже зажжен.

Пред молнией бессильны даже горы:
Ни кручи скал, ни их извечный лед
Не в силах погасить огонь, который
Та молния в самой себе несет.

---

¹ Переметная сума из ковровой материи.

И девушка пошла навстречу свету,
Прочь от старья, от мрака и беды.
Наверно, так же вдаль летит комета,
Навеки отрываясь от звезды.

Десятилетия пролетают быстро.
Я на свою ровесницу гляжу
И вижу путь до женщины-министра
От девушки, сорвавшей паранджу.

Она сейчас чуть-чуть уже седая,
Усталая, по улице идет.
Как в дни былые, дочь свою встречая,
Старик-отец дежурит у ворот.

В ее глазах огонь неугасимый...
Старик запомнил: много лет назад
В тот горький день у дочери любимой
Таким же пламенем светился взгляд.

Давно и сам уж понял он, что эта
В глазах людей горящая заря
Не что иное, как частица света,
Частица солнца — солнца Октября.

1957

СЮЗАНЕ

«Я полюбил тебя, взглянув в твои глаза,
И в мире с той поры светло мне только с ними.
Волну несет поток и молнию — гроза,
А я твержу твое коротенькое имя».

Ты это говорил. Вечерняя заря
Над сонною землей тюльпаны осыпала.
Дыханье затаив, от радости горя,
Я слушала тебя. И глаз не поднимала.

Обычай есть такой: джигита полюбив,
Цветное сюзане невеста вышивает.
И вот шелков цветных веселый перелив
В корзинке предо мной, как радуга, блистает.

И все цветы садов, цветы Чимганских гор —
И роза, и райхон¹, и астра золотая —
Приходят в дом ко мне, вплетаются в узор,
Охапки лепестков по шелку рассыпая.

Но только начала я это сюзане,
Иголки острие мне укололо руку.
Запахла дымом даль. В пороховом огне
К нам ворвались враги. И принесли разлуку.

И взял оружие ты окрепшею рукой.
И за твоим конем я шла, полна тревоги.
— Подруга, жди меня! Вернусь, окончив бой! —
Донесся возглас твой с полуночной дороги.

На память о весне осталось сюзане.
Ладонью провела по шелковому свитку
И, губы закусив, в тревожной тишине
Во весь размах руки разматываю нитку.

И словно сквозь узор глядят глаза твои,
И на шелку стежки, как строчки на бумаге
И это сюзане — письмо моей любви,
О верности оно, о славе и отваге.

Подруги помогать приходят иногда,
И, косы наклонив над яркими шелками,
Мечтаем вместе мы. А сквозь окно звезда
Внимательно следит за быстрыми руками.

Ты победишь врага. Вернешься. И вдвоем
Цветного сюзане мы развернем узоры.
Сияньем солнечным оно наполнит дом,
И солнце никогда не спрячется за горы.

На память обо мне прими подарок, друг,
Он ярок, словно сад во время листопада,—
Замысловатое искусство женских рук,
Забава для тебя, а для меня — отрада.

1943

---

¹ Цветок базилик.

ПРИШЛА ВЕСНА, СПРАШИВАЕТ О ТЕБЕ

Хамиду Алимджану.

Живым дождем омыв миндаль,
В рассветный час пришла весна.
Полетом птиц наполнив даль,
Тревожа нас, пришла весна.

О, как любил ты час ночной,
Когда готов зацвести урюк,
И аромат земли сырой,
И почек хлопающий звук!

За ворот зиму ухватив,
В рожок пастушеский трубя,
Твердя любимый твой мотив,
Весна пошла искать тебя.

И, чтоб скорей тебя найти,
Став ветром, ворвалась в сады
И обыскала по пути
Все, от пустыни до воды.

И так озлилась, не найдя,
На белый свет, на свой простор,
Что стала бурею, гудя,
И покатила камни с гор.

Она спросила пастухов,
Стада пасущих: — Где поэт?
Но нет у горя добрых слов,
Они молчали ей в ответ.

Тогда, оборотясь лучом,
Весна вошла в мой темный дом,
Спросив у слез моих: — О чем? —
Склонилась над ребячьим сном

Моих детей, твоих детей
И, не найдя тебя опять,
Не видя более путей,
Мне сердце начала пытаться

— Где тот, который ждал меня
На перекрестке всех дорог,
Тревоги от себя гоня,
Налюбоваться мной не мог?

Зачем покинул свежесть трав,
Тюльпаны и в цвету урюк?
Зачем, строки не дописав,
Перо он выронил из рук?

Где те прекрасные слова,
В которых я любила цвель,
В которых я была жива,
Еще прекраснее, чем есть?

Зачем ты в черном и в слезах?
Зачем молчишь ты мне в ответ
И снег не тает в волосах?
Где тот певец, где тот поэт?

Дай руку мне... Молчат уста.
И молча я ее веду...
В тени безлистого куста
Могила выросла в саду.

Тогда весна умчалась прочь,
Неся с собой мою печаль,
И над могилой в ту же ночь
Зацвел, как облако, миндаль.

И песню, спетую тобой,
Запел на ветке соловей.
И мир, разбуженный весной,
Шумел над памятью твоей.

1945

ЗВЕЗДА

Как душно в комнате! Я выхожу во двор,
И светит мне звезда в тумане теплой ночи.
Я знаю этот свет. Я помню этот взор:
Да это же твои глаза глядят мне в очи!

Звезда далекая и яркая, как ты,
Так пристально глядит, как будто утешая,
Как будто говорит мне тихо с высоты:
— Подруга, я с тобой, с тобой любовь большая.

1944

* * *

Давно твой взгляд я не ловила взглядом,
Поэт моей души, моей земли,
Давно с тобой мы не сидели рядом,
Беседы душевной не вели.

А сердце? Сердце позабыть не может
Той книги, где живет твоя любовь.
Едва лишь ветер струны растревожит,
Оно звенит: — Найди ты друга вновь!

Та сила, что сердца соединила,
Влечет к тебе, не ведая преград.
Хочу я все забыть, но эта сила
С годами стала пламенной стократ.

О, если бы назло природе, если б
Назло богам и всем врагам на страх
Ты ожил бы и радостно воскресил б
Все наши поцелуи на устах!

Владыка сердца моего! Впервые
Я стала б на колени пред тобой,
Чтобы войти в твои глаза живые
С моей любовью и моей судьбой!

1951

ПРИЗНАНИЕ

Ты отважен, юноша правдивый,
Полубив, ты втайне не горишь,
Черноглазый мой, красноречивый,
О любви мне первый говоришь.

А свою любовь я в сердце скрываю,
К ней не допуская никого.
Я одна лелеяла и чтילה
Тайный пламень сердца моего.

И любви закованное слово
Из горящих уст моих рвалось,
Но молчать решила я сурово,—
Пусть бы мне погибнуть довелось!

Я не знала: ты любил ли прежде?
Я не знала: ты другой любим?
Я не знала: верить ли надежде?
Я не знала: будешь ли моим?

Думала я: не велит обычай
Первой разговор любви начать.
Он — клеймо на чистоте девичьей!
Но теперь я не могу молчать.

Долго я в себе искала силы,—
Силы не нашла сильнее любви.
Я люблю тебя, волшебник милый,
Душу мне любовью оживи!

1944

НЕВЕСТА

Пейте, гости!

Ешьте, что угодно.

Разве мало плова и вина?

Свадьба в нашем кишлаке сегодня.

Ярким светом ночь ослеплена.

Полная луна с небесной выси

Смотрит на невесту, чуть дыша.

Как блестит на тюбетейке бисер,

Как невеста нынче хороша!

Девушка и смущена и рада,

С плеч спадают две косы тугих.

Смотрят гости, не отводят взгляда,

Смотрит зачарованный жених.

Песенка «Яр-яр» уже звучала,

Может, в третий иль четвертый раз.

Отражались в налитых пиалах

Сорок с лишним пар веселых глаз.

Поздно уж, но окна не закрыты,
Ярким светом залит новый дом,
Там сейчас походкой деловитой
Входят в круг невеста с женихом.

Шире круг!..

И молодые оба,
Окруженные со всех сторон,
Заплясали под напев рубоба,
Под хлопки гостей и бубна звон.

Девушка танцует и стыдится,
Опускает голову на грудь,
Не решается поднять ресницы,
Чтоб мгновенье это не спугнуть.

Не спугнешь его ты, дорогая,
Много счастья на твоём пути.
Пред тобой дорога золотая.
Хорошо по ней вдвоем идти!

Не смущайся, подними ресницы,
Счастьем быть еще немало дней.
Это только первые страницы
Книги жизни радостной твоей.

В вашей жизни будет много света,
Много счастья...

Пусть она всегда
Будет весела, как свадьба эта,
И, как пляска эта, молода!

1946

ДОБРОГО УТРА, ЛЮДИ МИРА!

На белом листе бумаги — алая тень зари,
Потухли заката флаги, ночные зажглись фонари.
Открыто окно — и прохлада коснулась горячих рук...
Я слушаю шорох сада, на улице каждый звук.

Соседи сейчас отдыхают, засыпает сейчас детвора,
А для меня наступает любимой работы пора.
На свет моей маленькой лампы, в рабочий мой уголок
Приходят родные мне люди со всех городов и дорог.

Строители, хлопкоробы, работники рек и гор
Со мной продолжают долгий искренний разговор.
И каждый хочет по праву увидеть в моих стихах
Свою трудовую славу, творческий свой размах.
Они мне вручили слово, за них я сейчас говорю.
Как пограничник в дозоре, я охраняю зарю.

Я слышу за океаном хищников злобный вой,
Я вижу их черные тени за новой моей зарей...
Грозит посягнуть их стая на мирную эту ночь,
И голосом всей Отчизны я говорю им: — Прочь!
Вам, зачинщики бойни, знайте, не запугать
Вашей атомной бомбой нашу Родину-мать.

Вас, поджигателей, люди сбросят с планеты прочь!
Я говорю вам это, простого узбека дочь,
Я, что июльской ночью бодрствую в тишине
И охраняю землю, давшую счастье мне.

Кремлевские звезды прямо в окошко мое глядят.
Полон благоуханий тихий ташкентский сад.
Прямо у этого сада — новых плотин огни...
Ветер с вершин коммунизма, побед и дерзаний дни!

Я лампу гашу — не надо, мне без нее светло!
Радует сердце поэта, солнце уже взошло.
Лучи его освещают рукопись на столе...
Доброго утра, люди Мира на всей земле!

1950

ВЕЛИКОЕ РОЖДЕНИЕ

Садилось солнце где-то за горой,
Как будто после дня трудов устало.
На поле предвечернею порой
Приезжий гость увидел аксакала.

Работа спорилась у старика
В его руках, что были крепче стали,
И хлопка вороха, как облака,
У ног его послушно замирали.

Не одолели старика года,
Не сгорбили дни горестей и боли.
На грудь его спадала борода
Белее хлопка, что сушился в поле.

Бросало солнце свой осенний свет,
За дальнею горою догорая...
«Скажите, мистер, сколько есть вам лет?» —
Спросил приезжий из чужого края.

И аксакал сказал ему в ответ:
— Жизнь — это свет, и счастье, и свобода,
А потому мне только сорок лет —
Я начал жить с семнадцатого года!

1957

ИДУ Я ГОРОДОМ РОДНЫМ

Иду я городом родным, где свет струится,
Где оживление царит в толпе людской,
Где, как в Москве, машин стальная вереница
Все время катится певучею рекой.

Как славно быть волной народного потока!
Смотрю — и кажется, что каждый мне знаком.
Не знаю их имен, но я не одинока,
Одним стремлением мы дышим и живем:

Красу грядущего приблизить к нашим будням,
Страницу новую увидеть в книге лет.
— Где близкие мои в потоке многолюдном?
И солнце ласково сказала мне в ответ:

— Все те, кого сейчас лучами я коснулось,
Все те, кто выбрал путь боренья и любви,
Все те, с которыми я для труда проснулось,—
Вот близкие твои, товарищи твои!

И мне представилось:
там, на подъемном кране,
Туркменка трудится,
и новый дом встает,
И этот новый дом в ее Туркменистане,
Как солнцу светлый гимн, что девушка поет!

И мне представилось:
там, на реке Сибири,
Электростанцию возводят мастера,
Чтоб свет грядущего сиял вольней и шире,—
Там близкие мои, мой брат, моя сестра!

Страна живет во мне,
и сердце так похоже
На карту Родины!
Как ни был бы далек —
В тайге или в степи, суровый иль пригожий,—
Но дорог, близок, мил мне каждый уголок.

Откуда б я взяла огонь для песни сердца,
Когда бы не было тепла моих друзей?
Приходит песня к ним, чтоб ярче разгореться,
Родиться заново и зазвучать сильней.

Не зная их имен, я нахожу повсюду
Товарищей, подруг, далеких, но родных;
Они живут во мне.
И счастлива я буду,
Когда и в их сердца войдет мой скромный стих.
1954

НЕ ПРОЙТИ ВОЙНЕ!

Промелькнуло ласточки крыло
В день весны, что мне милей всего,
И свой след беспечно провело
Над губами сына моего.

Сколько света в сердце он зажег!
Юности живое волшебство!
Ласточка оставила пушок
Над губами сына моего.

Как растешь ты быстро! Погоди!
Перегнал ты, перерос ты мать.
Спутник мой большой! К своей груди
Можешь голову мою прижать.

Сын мой, свет мой чистый и родной,
Ты к себе привлёк друзей сердца,
Но бывает грустно мне порой,
Что с тобою рядом нет отца.

Слово есть ужасное: «Война».
Смерть шагала из конца в конец,
И у многих отняла она
Счастье: друга называть «отец».

И у маленьких моих детей
Это слово отняла война,
Но зато растила их нежней,
С материнской ласкою страна.

Как отец трудясь из года в год,
Я детей лелеяла, как мать.
Вот и сын мой вырос, чтоб народ
Мог его с надеждою принять.

Как скала, он устремился ввысь,
Доверяюсь я ему вполне.
— На мои ты плечи обопришь,—
Говорит он Родине и мне.

Я всего лишь мать, но я полна
Мужества, что не горит в огне.
Громко говорю я: — Сгинь, война,
Сын мой нужен Родине и мне!

Не хочу я, чтоб сгущалась мгла,
Чтобы сына вихрь войны обжег,
Не хочу я, чтобы гарь легла
На уста, на ласточкин пушок.

Матери! Не наше ль молоко
Человеческий вскормило род?
Пусть летит наш голос далеко,
Пусть к свободе голос наш зовет:
— Если встанем все, стена к стене,
Не пройти и не бывать войне!

1956

ТЕБЕ, ЕГИПЕТ!

Мне хочется запеть — да будет песнь крылата! —
Но слов я не найду, волнением объята.

Мы, Средней Азии горячие сердца,
Египту песнь поем, приветствуем борца.

Меж нами пролегли моря и горы мира,
Но рядом встал Ташкент, как друг и брат Каира.

Оковы разорвал познавший волю раб,
И стал хозяином своей земли араб.

Для счастья трудятся сирийка, египтянка,
Певунья-Азия и Африка-смуглянка!

Я видела народ, что всюду знаменит,
Я видела тебя, бессмертный Порт-Саид.

Я видела твой прах, суровый, величавый,
Я видела твой стяг — то был тюльпан кровавый.

Окрасила его твоих героев кровь,
Погибших за тебя, в тебе оживших вновь.

Пред павшими в борьбе я голову склонила,
И мне слышалось сердцебиенье Нила;

Со мною говорит, свободою дыша,
Египта древнего прекрасная душа.

Что породило нас? Как стало милым, близким
Искусство Бухары умельцам аравийским?

С громадой пирамид что сблизило Памир?
И я услышала одно лишь слово: «Мир!».

За что мы боремся отважно и открыто —
Детей и матерей опора и защита?

Сказала мне Москва, ответил мне Каир:
— За то, что нужно всем: и нам и вам — за мир!

1957

СВЕТ

Уходя, сказала мать седая:
— Дочка, спи! — и погасила свет,
Но земля, по-прежнему сверкая,
Мне дарит и запах свой и цвет.

Разве не со мною мир широкий,
Даже если комната темна?
Разве могут не светиться строки,
Если вся душа озарена?

Мама, не зажгу я лампу снова...
Тот, о ком поведала ты мне,
Тот, кто для меня родней родного,
Светит мне, как светит всей стране.

Нас, детей, учила ты: — От века
Не было подобных Ильичу.
Он возвысил званье человека,
Я его путем идти хочу.

В тюрьмах, в ссылке, сам лишенный света,
Он из искры пламя добывал,
Чтобы вся земля была согрета,
Чтобы день для всех людей вставал...

Грозные прошли десятилетия,—
Этот свет в моих глазах живет,
Чтоб могла в грядущее смотреть я
И по жизни двигаться вперед.

Он — в моей мечте, в моей работе,
В сердце я храню его завет.
Пусть в стихе, что вы сейчас прочтете,
Лениным зажженный вспыхнет свет!

1957

ЗАВИСТЬ

Колышется река передо мной,
Так много жизни в этом колыханье.
Река сверкает солнцем и весной,
Живительно для нас ее дыханье.

И это зависть вызвало во мне?

Подобен океану мой народ,
А речка, что скрывать, не многоводна,
Где ей положено, там и течет,
А я по всей земле пройду свободно.

Так что же зависть вызвало во мне?

Но от реки я глаз не оторву,—
Вскипают волны, пенятся в избытке.
Они вобрали неба синеву,
В них блещут солнца золотые слитки.

Щебечут птицы над водой реки,
Им по сердцу волнистые качели.
Коснувшись влаги свежей, ветерки
С ее прохладой в город полетели.

Не это зависть вызвало во мне...

Живое пламя в сердце у меня,
В нем есть любовь и ненависть святая.
Ведь я сама возникла из огня,
Дочь солнечного, огненного края.

Так что же зависть вызвало во мне?

Слежу я долго, жадно за водой,
Мне глиняная видится ограда.
Держа кетмень в руках, старик седой
Поит речным потоком землю сада.

Косичек влажных льется серебро,
Вода струится по земле душистой,
Моя душа, чтоб с ней творить добро,
Стремится к ней, к такой простой и чистой.

Девчонка пригоршнями из реки
Пьет воду... Как мне хочется, чтоб каждый,
Чье сердце зажжено высокой жаждой,
Испить пришел бы из моей строки!

...Так вот что зависть вызвало во мне!

1958

МУШОИРА

Уже пришла вечерняя пора,
Сошла жара.
Идите к нам: у нас мушоира,
Мушоира!

Здесь близким друг становится далекий,
Здесь праздник мастерства,
Здесь рифмы соревнуются, и строки,
И чувства, и слова.

Чьи краски ярче? Глубже описание?
Чья мысль остра?
Звенит, гремит поэтов состязанье —
Мушоира!

Для цветника поэзии восточной,
Для звонкого созвучья, мысли точной
Не нужен пышный или душный зал:
Поэт, придя сюда, с собою взял
Лишь песню, песню Нила или Ганга,
И только удивительный навес
С плодами нарисованными манго
Слегка нас отделяет от небес.

И вечер, голубей Бенгальского залива,
Нас окружает с четырех сторон,
И в блеске звезд, вдали горящих горделиво,
Свет наших ламп чудесно повторен,
А ветерок приносит с побережий
То запах трав, пронзительный и свежий,
В котором есть вечерняя роса,
То песню девушек индийских,
То птиц неведомых, но близких
Пленительные голоса.

Вы вдохновенья слышите приказ?
Веленье смелого пера?
Друзья, идите к нам, идите к нам! У нас
Мушоира!

На возвышении, украшенном ковром,
Что радугу напомнил бы по цвету,
Своим душевным делятся добром
Все те, кто к правде тянется и свету.

Да, в этом поэтическом саду
Есть малые цветы и мощные чинары,
Но вижу я: сейчас и молодой и старый —
В одном строю, в одном ряду.

Обычаи Востока строги,
И в Индии мы их нарушить не хотим:
На радуге-ковре, скрестивши ноги,
Хозяева и гости, мы сидим.

И обувь разноцветная у входа,
Что сняли мы, когда сюда пришли,
Напоминает нам: так вот следы земли,
Где труд, где слава каждого народа!

Индийские сандалии видны
С подошвой деревянной из сандала.
Искусная рука их создавала
Умельца этой сказочной страны,
И если путешествовать я стану,—
Надену их, пойду по Индостану!

Они явились из различных стран:
Ботинки эти сделаны Багдадом,
На этих — пыль Китая, а Иран
С Цейлоном оказались рядом,
Монгольский сапожок — с пенджабским каблучком...
Невольно обвожу я взглядом
Те туфли, что моим пошиты земляком,
Ташкентским мастером Ахмадом.

Благодарю тебя от всей души,
Сосед, твои изделия хороши,
И, может быть, сапожник из Кашмира
С тобою соревнуется, мой друг,
Во имя изобилия и мира
И тоже входит в наш звенящий круг.

Седоволосый, с юными глазами,
Что помнят Индию, облитую слезами,
Что видят радостный ее расцвет,—
У микрофона встал поэт,
Старейший в нашем состязанье,
Его участник и глава...
К чему певцу иносказанье?

Текут в душе рожденные слова,
В которых — воля и дерзание.

Язык находят общий мастера
В такие вечера.
Идите к нам. У нас мушоира,
Мушоира!

Моя подруга, соловей Пенджаба,
Своим стихом вторгается в сердца.
Пусть нежен стих,— нет, не звучит он слабо,
В нем сила матери и честь борца...

Читал стихи Вьетнам, читал Непал,
Читал таджик, и русский друг читал.

Чем были строфы ярче, задушевней,
Звенели чище и напевней,
Тем становились ближе нам, сродни,
Сливались в карту Азии они
И Африки, великой, древней.

И ветры, вырывая из сердец
Созвучья, уносили их далёко,
И Запад к миру звал певец
И счастье возвещал земле Востока.

С поэтов сикхи не сводили глаз,—
Богатыри, что в битвах тверже стали.
Как пламя черное, их бороды сверкали.
Бенгальцы слушали с волнением нас.
В одежды белоснежные одеты...

Все новые и новые поэты
Нам поверяли думы и мечты.
Стихи вставали, как мосты
Для нашей дружбы, нашего сближенья,—
Мосты любви и уваженья,
Мосты народной красоты.

О вечер Индии! О песен упоенье!
Неотделим от слушателя чтец,
И кажется: биенья всех сердец
Слились в одно сердцебиенье!

Друзей и близких славный круг
Уже в моей душе все шире, шире.
Сын Африки запел о мире,
И я почувствовала вдруг,
Как много вынес он, надеясь и страдая,
В боренье закалив слова свои,
И потому в глазах горит любовь святая,
Что солнце у него в крови...

Ты — весть о хлебе, благе и покое,
Не шутка, не игра,—
Ты жизнь сама! Входи во все живое,
Мушоира!

Ты всех зовешь, кто строит, пашет,
Отбойный поднимает молоток,
Захочет — землю тканью опояшет,
Кто суть поэзии, душа ее, исток.

Они творят в ином, прекрасном роде.
Стихи не часто входят в их жилье,
Их книги — жаркая любовь к свободе,
Их вдохновенье — битва за нее.

Пусть примут все, кто трудится, участие
В соревнованье наших голосов,
Пусть все, кто сеет, все, кто строит счастье,
Услышат этот зов.

Друзья, поэзии живой и дерзновенной
Пусть блещет всюду огненный накал,
Чтоб мирный человек владел вселенной,
Чтоб только миру песни он слагал.

Друзья, идите к нам под сень шатра,
Под сень добра.
Идите к нам! У нас мушоира,
Мушоира!

1958

СОДЕРЖАНИЕ

Здесь родилась я... <i>Перевод В. Державина</i>	3
Мать. <i>Перевод С. Сомовой</i>	4
Золотая осень. <i>Перевод С. Сомовой</i>	6
Женщина в парандже. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	7
Моей подруге. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	8
Соловей. <i>Перевод С. Сомовой</i>	10
Один день в поле. <i>Перевод С. Сомовой</i>	11
В сосновом лесу. <i>Перевод С. Сомовой</i>	12
Частица солнца. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	13
Сюзане. <i>Перевод С. Сомовой</i>	14
Пришла весна, спрашивает о тебе. <i>Перевод М. Алигер</i>	16
Звезда. <i>Перевод С. Липкина</i>	17
«Давно твой взгляд я не ловила взглядом...» <i>Перевод С. Липкина</i>	18
Признание. <i>Перевод С. Липкина</i>	18
Невеста. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	19
Доброго утра, люди Мира! <i>Перевод С. Сомовой</i>	20
Великое рождение. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	21
Иду я городом родным. <i>Перевод С. Липкина</i>	22
Не пройти войне! <i>Перевод С. Липкина</i>	23
Тебе, Египет! <i>Перевод С. Липкина</i>	25
Свет. <i>Перевод С. Липкина</i>	26
Зависть. <i>Перевод С. Липкина</i>	26
Мушонара. <i>Перевод С. Липкина</i>	28

Зульфия (Зульфия Исраилова)

ЛИРИКА

Редактор — **П. КРАВЧЕНКО.**

А 05308. Подписано к печати 9/IX 1958 г. Тираж 150 000. Изд. № 1050.

Заказ № 1690. Формат бумаги 70×108¹/₃₂. 0,5 бум. л. — 1,37 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина
Москва, ул. «Правды», 24.

ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ КНИГИ СТИХОВ:

Антология китайской поэзии в четырех томах; Гослитиздат. 1957.

Том I. 424 стр. Цена 7 р. 65 к.

Том II. 376 стр. Цена 5 р. 35 к.

Том III. 336 стр. Цена 5 р. 20 к.

Том IV. 340 стр. Цена 5 р. 80 к.

БАРАТАШВИЛИ Н. Стихи. Перевод с грузинского. Гослитиздат. 1957. 88 стр. Цена 2 р. 10 к.

ГОРОДЕЦКИЙ С. Стихотворения (1905—1955). Гослитиздат. 1956. 392 стр. Цена 6 р. 50 к.

ЗОМЛЕТЕЛИ Н. Стихотворения. Перевод с грузинского. Гослитиздат. 1956. 200 стр. Цена 3 руб.

КОЛАС Я. Избранные произведения в двух томах. Гослитиздат. 1956

Том I. 624 стр. Цена 13 р. 85 к.

Том II. 536 стр. Цена 10 руб.

КОШБУК. Избранные стихи. Перевод с румынского. Гослитиздат. 1958. 256 стр. Цена 4 р. 65 к.

Монгольская поэзия (сборник). Перевод с монгольского. Составил Долматовский Е. Гослитиздат. 1957. 192 стр. Цена 4 р. 30 к

Стихи поэтов Египта. Перевод с арабского. Гослитиздат. 1956. 400 стр. Цена 7 р. 80 к.

ТАКУВОКУ И. Стихи. Перевод с японского. Гослитиздат. 1957. 280 стр. Цена 2 р. 15 к.

ХАЧЕРУК И. Стихотворения. Перевод с норвежского. Гослитиздат. 1956. 72 стр. Цена 85 коп.

Югославские народные песни (сборник). Гослитиздат. 1956. 186 стр. Цена 3 р. 30 к

Перечисленные книги требуют в магазинах книготорга и потребительской кооперации.

При отсутствии книг в местных магазинах заказ можно направить по адресу: Москва, Ж-109, 2-я Фрезерная, дом 14, Ассортиментный отдел Центральной оптовой книжной базы.

Заказ будет выполнен «Книга-почтой» наложенным платежом.

«С О Ю З К Н И Г А»